

— Линь Хайян!!! Что ты делаешь?!!

— ...Простите.

После трёх дней изнурительных тренировок Линь Хайян наконец смог, с грехом пополам, станцевать двухминутную композицию от начала до конца.

Песня длилась меньше трёх минут. Её разделили на партии для шестерых, и Линь Хайян получил самый короткий кусок — без единого слова, да и в построении его поставили в самую заднюю линию.

Он не видел в этом ничего плохого. Даже наоборот — считал, что ребята из его компании проявили редкую чуткость. В благодарность он потратил свои последние сто юаней на фруктовый лёд, чтобы угостить всех.

Лидером группы был мелкий блогер, недавно подписавший контракт с компанией. Конечно, вживую он сильно отличался от своего приукрашенного образа в соцсетях, но хоть какая-то фан-база у него имелась.

— Хайян, он же просто отобрал у тебя партию, даже строчки не оставил! Это же откровенный беспредел! — за обедом один из стажёров попытался положить руку Линь Хайяну на плечо, но не дотянулся из-за разницы в росте и смущённо почесал нос. — Почему ты не настоял на своём? Хотя бы для экранного времени! Как ты потом отчитаешься перед компанией?

Линь Хайян лишь добродушно улыбнулся:

— Я плохо пою. К тому же, у него много фанатов, им наверняка хочется видеть его на экране. Он же капитан.

Линь Хайян считал, что 169 тысяч подписчиков — это невероятно много, но его собеседник только фыркнул:

— Не слушай его! Какие там фанаты? Желторотики! Разве таких можно считать фанатами?

— Желторотики? — переспросил Линь Хайян, не понимая. — Что это значит? Почему их не считать?

— Эти мелкие фанатки, которые гроша ломаного не платят, но палец в рот не кладут. Ничего не умеют, только на каникулах вылезают, как тараканы, чтобы облить тебя грязью. То на ровном месте конфликт раздуют, то какой-нибудь глупостью насмешки навлекут. Вечно что-то вытворяют, будто их кумиру мало чёрных пятен в биографии.

Собеседник твёрдо подвёл итог:

— Желторотиков нужно считать не фанатами, а хейтерами!

Линь Хайян задумался, а потом медленно произнёс:

— Хотя я и не всё понял, но если так, то у него 169 тысяч хейтеров. Бедняга... С какой стати мне с ним соперничать?

— ...Ты и вправду гений логики.

Линь Хайян, увидев его ошарашенное выражение лица, шлёпнул себя по животу:

— Эх, опять хочется есть.

Наконец настал день выступления. Линь Хайян встал, сделал зарядку, помылся и вышел из комнаты свежий и бодрый. К своему удивлению, он обнаружил, что соседи по комнате, вместо привычного храпа, сидят на стульях с масками на лицах.

— Доброе утро, — улыбнулся он.

— ...Отвали, — буркнул один из них, едва разжав губы.

Линь Хайян снова почувствовал себя обиженным. Он посмотрел на упаковки от масок на столе — какие-то «SK» с двумя полосками — но ничего в них не понял.

— Почему так рано встали? — несмело спросил он.

Троих остальных нигде не было видно, остались только двое неразлучных. Теперь они сидели, как истуканы, с белыми листами на лицах и явно не горели желанием общаться.

Линь Хайян подошёл к столу. Один из них с негодованием сорвал маску, воскликнув:

— Эй, не трогай!

— Я не трогаю... — Линь Хайян попытался завязать разговор. — Сегодня же выступление. Не хотите ещё потренироваться?

— Только идиот будет тренироваться в такой день. Сначала маска, потом борьба за внимание камер, чтобы выглядеть на экране получше, — пробурчал другой. — А ты почему вообще ничего не делаешь?

Линь Хайян искренне восхищался теми, кто мог уверенно бороться за экранное время. Вопрос застал его врасплох.

— А что нужно делать?

Тот чуть не закатил глаза:

— С тобой бесполезно разговаривать. Ты что, ждёшь, пока я расхвалю твою природную красоту?

Линь Хайян съёжился:

— Нет-нет.

Он вообще никогда не пользовался средствами для умывания, обходясь одной водой. Самым роскошным его бьюти-ритуалом был вечер накануне отъезда, когда мама, сэкономив на ужине, нарезала огурец и наложила ему ломтики на лицо.

Линь Хайян вспомнил, как она клала очередной кружок, а он тут же его снимал и съедал. Когда огурец закончился, на лице не осталось ни одного кусочка, и мама от души треснула его по рукам. Больно было.

Как же хочется огурца...

Линь Хайян сглотнул слюну и отправился в столовую.

После лёгкого перекуса, ровно в три, он явился в гримёрку и костюмерную, ожидая, когда за него возьмутся стилисты.

Внешность у него и правда была приятной: чёткие черты лица, слегка опущенные внешние уголки глаз, что придавало ему безобидный вид. Мускулатура подтянутая, но не грубая, фигура стройная — издали напоминал молодой бамбук, этаким спортивным парень с соседней улицы.

Но как стажёру уровня F стилисты уделяли ему минимум внимания. Они кое-как нанесли макияж, ткнули пальцем в сторону костюма и удалились.

— Э-э... — Линь Хайяну достался белый костюм, который оказался маловат. Пуговицы впивались в живот, причиняя боль. — Учитель, вы здесь?

Стилист уже исчез. Линь Хайян не стал его искать, глубоко вдохнул, затянул ремень потуже, втянул живот — стало чуть легче.

...Живот перестал болеть, зато появилась другая, весьма деликатная проблема.

Линь Хайян сидел на стуле, терпеливо снося неприятные ощущения, и, глядя на своё дрожащее от напряжения отражение, дал себе зарок:

В этот раз я точно не упаду!

Их группа выступала третьей с конца. До этого им предстояло сидеть в комнате отдыха и смотреть выступления других. Шоу шло в прямом эфире, и иногда камера выхватывала реакцию стажёров в зале.

Линь Хайян сидел с прямой спиной, стараясь выдвинуть ягодицы вперёд, чтобы уменьшить давление. Он восседал на кривом деревянном стуле с одной недостающей ножкой, который жалобно скрипел под его семидесятикилограммовым весом.

На сцене был тот самый парень с седыми волосами — У Юэ. Он выступал один, и его мастерство полностью соответствовало популярности. Линь Хайян невольно выдохнул:

— Вау...

Он смутился, что произнёс это вслух, и, подняв глаза, был поражён разворачивавшимся в комнате отдыха представлением.

Если честно, когда камера была отключена, стажёры сидели с каменными лицами: кто-то ковырял ногти, кто-то болтал, а один даже тихонько испортил воздух, чуть не отправив Линь Хайяна в нокаут. Но стоило камере включиться, как они мгновенно преобразались, задействуя каждую мышцу лица.

— Боже мой, — театрально воскликнул один из них, — Брат Юэ, ты просто божественен!

Другой, с лицом, осыпающимся пудрой, закивал:

— Я тоже хочу стать таким, как Брат Юэ... О, я сейчас расплачусь!

Вскоре Линь Хайян наблюдал, как его коллеги по компании рыдали, аккуратно вытирая мизинцем несуществующие слёзы, стараясь не размазать стрелку, и, всхлипывая, обращались к нему:

— Я тоже столько страдал, столько... Я тебя понимаю, понимаю...

Линь Хайян сидел на своём шатком табурете, моргнул, не понимая происходящего, и снова повернулся к экрану.

После У Юэ выступила малоизвестная группа, и настала очередь компании Линь Хайяна.

Он собрался с духом, поднялся с трёхногого стула, изо всех сил затянул ремень — чуть ли не до уровня груди — и, сняв пиджак, стал похож на модного крестьянина из восьмидесятых.

Один из стажёров, увидев его манёвр, пробормотал:

— Высокая талия — наш стиль!

Линь Хайян боялся, что пуговицы не выдержат и лопнут, — это был бы полный провал. Его лицо покраснело от напряжения, и, мужественно терпя боль, он лишь кивнул:

— Ага!

И развернулся, чтобы уйти.

Стажёр позади него опешил:

— ...Что «ага»?

Выйдя на сцену, Линь Хайян автоматически встал с краю. К счастью, его рост позволял. С высокой сцены зрительный зал казался тёмной бездной, в которой мерцали светящиеся палочки и мелькали плакаты. Он нервничал, украдкой взглянул на них и увидел, что большинство — с портретами популярных участников.

Стоп, а это что за чёрное пятно, похожее на распластанную человеческую фигуру?

<http://bllate.org/book/16280/1466017>